

Тихий юбилей

Воспоминания - 1995 - В. Шостакович - с. 7

Пятая Шостаковича: ликование или месть?

Симфонических оркестров в столице порядочно — за двадцать. И продолжают появляться новые. Год тому назад стартовал “Оркестр Москвы”. Руководителем коллектива стал молодой австриец Роланд Фрайзитцер, композитор-авангардист со скромным дирижерским стажем. Я писал тогда (“ВК”, 31 мая 1994): “Музыкант этот, безусловно, талантлив, но еще и отважен; 20 лет — и сразу в святая святых, за пульт в Большом зале консерватории... Неровный, сырой, но в то же время — настоящий лидер...”

И вот год позади. 18 мая — день в день — оркестр позволил себе отметить эту дату благотворительным концертом в Колонном зале. Второй темой вечера стали 50-летие со дня окончания войны и 40-летие Договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. А сама программа была чисто русской: вступление к “Хованщине” Мусоргского, Второй фортепианный концерт Рахманинова (солист М. Петухов) и Пятая симфония Шостаковича. Для оркестра, играющего преимущественно “венских классиков” и романтиков — от Гайдна до Рихарда Штрауса, — программа вообще необычная. Программа-жест... В зале сидели ветераны войны, узники нацистских концлагерей, представители еврейской общины...

Скажу сразу же, что Фрайзитцер в очередной раз оправдал мой прошлогодний эпитет “неровный” — не очень яркий Рахманинов, а рядом — блистательная Пятая Шостаковича. В симфонии почти все удалось — точная, ясная, технически совершенная игра, отличный звук, пластичная драматургия оркестровых

групп, а главное — глубокое проникновение в самую суть музыки. Хотя симфония и написана за четыре года до войны, в ней уже чувствуется напряженная “предгрозовая” обстановка, слышны первые подземные толчки.

Но есть в этой симфонии еще один “срез”. Она появилась в зловещем 37-м году. Композитор и сам чудом тогда уцелел — ведь еще недавно “Правда” громил его оперу “Леди Макбет Мценского уезда”. Так что от Шостаковича ждали жизнеутверждающей “советской” симфонии. Появилась же Пятая... Вроде бы то, чего ждали: симфония с “солнечным” финальным ремажором, торжественными литаврами и фанфарами. “Огромный, утверждающий нашу действительность оптимизм, реалистическое большое искусство нашей эпохи”, — писал о ней Алексей Толстой, радостно констатировавший, что “ирония, выверты и внешние эффекты — все это отброшено Шостаковичем”.

Примерно так думали многие. Лишь наиболее чуткие слушатели поняли: что-то здесь не сходится... Уловили иной контекст: “Слишком за-

метно намерение автора закончить симфонию ликованием”. Это мнение честного профессионала, мастера камерной лирики композитора Анатолия Александрова. А вот что записал в своем дневнике писатель Александр Фадеев: “Конец симфонии звучит не как выход, тем более — не как торжество или победа, а как наказание или месть кому-то...”

Кому — писателю не мог в те времена признаться себе даже во сне. Сегодня мы можем, конечно, довольно легко представить это. Некоторая натужность, искусственность финала симфонии — сознательны. Композитор “воспел” радостную действительность таким образом, что стали видны ее фальшивость и жестокость. Тогда, впрочем, все было списано на творческую неудачу композитора...

Приношу извинения читателям за затянувшееся рассуждение. Но именно вот **такой**, двойственной, выражающей трагическую сложность эпохи, я слышал Пятую симфонию Шостаковича в трактовке Роланда Фрайзитцера и “Оркестра Москвы”. Само звучание, повторяю, было безупречным (за исключением первых тактов финала). Темпы, краски, нюансы, баланс, солисты. Музыканты играли с подъемом, увлеченно, а г-н Фрайзитцер, казалось, совершенно позабыл о своей обычной сдержанности и скупости жеста. Дирижировал широко, выразительно и порой даже эффектно.

• Аркадий ПЕТРОВ.